

DOI: 10.19181/inter.2026.18.1.6
EDN: POYLTO

Этика вовлеченности: исследование действием и микрополитика производства знания в активистском проекте

Ссылка для цитирования:

Чернышева Л. А. Этика вовлеченности: исследование действием и микрополитика производства знания в активистском проекте // Интеракция. Интервью. Интерпретация. 2026. Т. 18. № 1. С. 111–126. <https://doi.org/10.19181/inter.2026.18.1.6> EDN: POYLTO

For citation:

Chernysheva L. A. (2026) The Ethics of Engagement: Action Research and the Micropolitics of Knowledge Production in a Grassroots Activist Project. *Interaction. Interview. Interpretation*. Vol. 18. No. 1. P. 111–126. <https://doi.org/10.19181/inter.2026.18.1.6>

Чернышева Любовь Алексеевна

Социологический институт РАН —
филиал ФНИСЦ РАН,
Санкт-Петербург, Россия
E-mail: l.a.chernysheva@gmail.com

В статье рассматривается применение стратегии исследования действием (*action research*) на примере петербургского низового проекта «Общественный сад», возникшего в 2020 году. В отличие от классических методов, ориентированных на нейтральное наблюдение и невмешательство, *action research* предполагает, что знание рождается в практике и требует от исследователя активно участвовать в изменениях, чтобы открывать возможность познания социальных структур. В фокусе статьи этический аспект *action research*, главное напряжение которого — соотношение позиций исследовательницы и активистки. Рассматривая процесс исследования через оптику ассамбляжного подхода, автор анализирует три «машины» *action research* (мониторинг, концептуализация, совместное производство знания) и то, как в каждой из них выстраивается соотношение между ролями активистки и исследовательницы и с помощью каких средств удается поддерживать границу между ролями. Статья показывает, что не только поддержание границы, но и ее размывание может привести к продуктивному

коллективному теоретизированию, однако разделение необходимо для того, чтобы метод оставался в границах стратегии action research. Статья дополняет дискуссию о производстве знания и этических аспектах action research, демонстрируя, как выстраивается микрополитика этой исследовательской стратегии.

Ключевые слова: action research; городской активизм; исследование как ассамбляж; исследовательская этика; со-производство знания

Введение

Осенью 2020 года, участвуя в коллективной прогулке, посвященной городским растениям, я стала свидетельницей того, как создалась инициативная активистская группа. Одна из участниц прогулки предложила другим заниматься развитием пространства в Петроградском районе Петербурга: на тот момент территория представляла собой заросший пустырь, которому потенциально грозила застройка. Прямо на месте был создан чат, куда вступили несколько участников прогулки, — так появилась инициатива, впоследствии получившая название «Общественный сад» и существующая до сих пор.

Я решила воспользоваться возможностью проследить процесс зарождения и развития общественной инициативы непосредственно. В тот период у меня уже был опыт исследования низовых инициатив и активизма, но методологически я и мои коллеги опирались в основном на полуструктурированные интервью и анализ цифровых следов [Бедерсон и др., 2021]. К моменту исследования многие конфликты уже были завершены или поставлены на паузу, а интервью нередко проводились через годы после начала событий, поэтому даже восстановление хронологии не всегда было возможным, а рефлексия информантов о развилках кампаний лишь позволяла понять, как участники переосмысливают конфликт спустя время.

Возможность участвовать в работе инициативной группы «Общественного сада» виделась мне удачной альтернативой. В такой позиции я могла бы систематически наблюдать за динамикой внутри активистской команды и фиксировать, как кампания творится «здесь и сейчас» [Imray Papineau, 2024; McCurdy, Uldam, 2014]. Активисты далеко не всегда заинтересованы в том, чтобы «чужаки» изучали их [Tarlau, 2014], и поэтому участие в группе и занятие некоторой роли внутри может быть полезно для установления доверительных отношений. Однако подобное участие неизбежно ставит ряд этических вопросов, поскольку поле активизма, как высоко политизированное, очень сенситивно и требует зачастую отказа от формальных этических процедур, а также внимательного отношения к безопасности участников и рефлексии о роли исследователя в группе активистов [Gillan, Pickerill, 2012]. Позиции инсайдера и аутсайдера в таких полях всегда гибкие и ситуативные [Breen, 2007], а принцип невмешательства исследователя в активность группы не всегда четко определен [Rodgers, 2007; Imray Papineau,

2024]. Учитывая это, я все же сообщила участникам о своих намерениях исследовать работу группы и, получив их согласие, принялась за дело. Вскоре, однако, я обнаружила, что сама логика активистского поля в сочетании с моим персональным интересом к территории «Общественного сада», опытом в прикладных исследованиях городских пространств и стремлением реализовать право на город сделали относительно нейтральную исследовательскую роль невозможной.

Постепенно переосмысливая свои роли в проекте, я пришла к пониманию, что использую стратегию *action research*, или исследования действием, которая практически не представлена в публикациях на русском языке. В статье я подробно опишу эту стратегию, ее принципы, этические установки и конкретные воплощения. Но мой фокус будет направлен на напряжение между ролями активистки и исследовательницы в рамках этой стратегии. Переключение ролей — не просто неотъемлемая часть любого этнографического исследования, но и источник производства знания в поле [Пинчук, 2025]. Фокусируясь на этом переключении, я покажу, как размывание и разграничение ролей стали частью моего метода-сборки [Ло, 2015], то есть не просто набора технических процедур и методологии исследования, но перформативного процесса создания и воссоздания реальности и способа существования исследователя в социальной науке [Ло, 2015]. Для этого я задействую теоретический язык ассамбляжей, к которому я часто прибегаю для анализа: на этот раз он будет направлен на сам процесс познания, а не на объект.

Исследование как ассамбляж представляет собой динамическую сеть, объединяющую исследователей, изучаемые события, данные, методы и инструменты (в том числе кодировочные программы, анкетные листы и т. п.), теоретические модели и даже физическое пространство, в котором происходит сбор и анализ данных [Фох, Alldred, 2015]. В рамках такого изменчивого ассамбляжа функционируют исследовательские «машины» — конфигурации отношений, которые производят какие-либо эффекты (действия, значения или знание). Так, «машины» сбора данных или «машины» анализа [Фох, Alldred, 2015] перерабатывают беспорядок реальности [Ло, 2015], структурируют, переводят на язык науки и тем самым не только описывают, но и создают реальность, реализуя определенные микрополитики¹ [Фох, Alldred, 2015].

Развивая идею исследования как ассамбляжа, я уделяю внимание тому, какую роль в нем играет осмысление этики и критическая рефлексия по поводу позиции исследователя. Эта тема не раскрыта в других работах, связанных с ассамбляжным пониманием исследования [Masny, 2013; Фох, Alldred, 2015], несмотря на то, что критика — это тоже часть ассамбляжа, а не что-то существующее

¹ Фокс и Олдред, опираясь на тексты Делеза и Гваттари, называют микрополитикой перераспределение возможностей и ограничений в процессе исследования с помощью конкретных исследовательских методов, а также эффекты власти, возникающие из устройства исследовательского метода и из того, как он организует отношения между исследователем, данными, объектом исследования и инструментами. Иными словами, микрополитика позволяет определить, какие последствия производит метод: что он делает видимым, что упрощает, что исключает и кому дает контроль над интерпретацией.

вне него. Однако речь в данном случае будет идти не о моей рефлексивности в отношении исследовательского процесса, а о том, что Марта Кенни называет подотчетностью [Kenney, 2015]. Если рефлексивность фокусируется на самом исследователе («я» и та позиция, из которой я говорю и действую), то подотчетность рассматривает исследователя в отношениях с коллективом [Kenney, 2015] и миром, то есть со всеми элементами, вовлеченными в производство знания, включая методы, модели и теории, участников исследования, финансирование, отчеты, коллег, институциональные рамки и т. д. Поскольку мы не просто описываем реальность, а участвуем в ее создании [Ло, 2015], каждый методологический выбор является этическим и определяет, какую версию объекта стоит воплощать в жизнь. Иными словами, вместо вопроса: «Истинно ли это знание и достаточно ли оно отражает реальность?» — исследователю стоит задавать этические вопросы: «Хороша ли эта практика и это знание для вовлеченных субъектов? Какова моя ответственность за версию мира, которую я создаю своими методами?» [Kenney, 2015]. Понятие подотчетности, таким образом, позволяет отойти от вопроса о том, как сочетать максимальную точность репрезентации реальности и безопасность участников исследования [Allan, 2017], и вместо этого признать и продемонстрировать собственную «не-невинную» роль [Kenney, 2015] в производстве объекта изучения.

Рассмотрение подотчетности в рамках исследования «Общественного сада» находится в центре моего анализа: я покажу, как менялись отношения между позициями исследовательницы и активистки в ходе мой работы в проекте и какую роль различие этих позиций и осмысление научной этики играли в упорядочивании исследования низового активизма в формате action research. Я проанализирую свое участие в проекте «Общественный сад» с момента его появления в октябре 2020 года до февраля 2022 года, основываясь на многочисленных записях, которые изначально не велись как систематический дневник самонаблюдения или наблюдения за проектом, однако в итоге приобрели ряд ключевых характеристик такого источника. Речь идет о хронологически выстроенных, датированных заметках разного типа — от конспектов встреч инициативной группы и рефлексивных записей, связанных с событиями вокруг «Общественного сада», до списков задач и технических пометок (всего около 30 записей). Дополнительным материалом для анализа послужили три аудиозаписи встреч инициативной группы «Общественного сада», а также четыре аудиозаписи совместной работы в рамках воркшопа «Лаборатория Actors of Urban Dialog», о котором подробнее будет сказано ниже (в совокупности около 10 часов аудиоматериала). Наконец, важным эмпирическим источником стали сообщения и фотоматериалы, размещенные в телеграм-чате проекта «Общественный сад», участницей которого я являлась с момента его создания. Транскрипты интервью и записи дневника подверглись процедуре открытого кодирования и были проанализированы с фокусом на роли, которые я исполняла в ходе работы над проектом. Эта статья является концептуальным переосмыслением эмпирического текста, опубликованного ранее [Чернышева, 2024].

Стратегия action research

Предпосылкой стратегии action research является то, что знание не существует вне социальных отношений и ценностных ориентаций исследователей [Brydon-Miller et al., 2003]. Вместо создания фасада объективности и ценностной нейтральности, исследование действием предлагает прямо и осознанно вовлекаться в проблемные социальные контексты и менять их [Reason, Bradbury, 2001]. Эта стратегия применяется для исследования и трансформации различных институтов, сообществ и пространств — больниц, центров помощи беженцам, поселков, школ [Pittaway et al., 2010; Löfman et al., 2004; Bournot-Trites, Belanger, 2018], при этом понимание и проектирование социальных изменений осуществляется изнутри конкретных практических ситуаций и в сотрудничестве с теми, кто непосредственно вовлечен [Wadsworth, 2005; Reason, Bradbury, 2001], — жителями, активистами, учениками, пациентами, сотрудниками и т. д.

При всей своей ориентированности на практическое действие стратегия action research не отказывается от задачи производства академического знания, однако постулирует, что это знание может быть получено только через умышленное изменение объекта [Adelman, 1993]. Фокус на изменениях — конфликтах, поломках, инновациях, иными словами, нарушениях привычного порядка — всегда был удачным методологическим ходом для познания мира, однако в рамках action research роль исследователя не ограничивается фиксацией подобных сбоев. В отличие от критических подходов, сосредоточенных на разоблачении структур, в action research исследователь выступает соучастником трансформаций, а действия, изменения становятся конститутивной частью исследовательского процесса [Wadsworth, 2005].

Ядром action research выступает непрерывное переключение практического вмешательства и аналитической рефлексии о его последствиях. На практике это чаще всего означает чередование двух фаз: исследовательской (в рамках которой происходит совместное формулирование и уточнение исследовательского вопроса, сбор данных и презентация результатов) и активной (запуск изменений). Затем наступает снова фаза исследования, позволяющая зафиксировать интерпретации, оценки и эффекты изменений и снова скорректировать курс.

Несмотря на общность базовых принципов, эмпирические исследования, реализованные в рамках action research, демонстрируют значительное разнообразие форм взаимодействия с сообществами и способов решения актуальных для них проблем. Эти различия проявляются, прежде всего, в степени и формах участия сообщества в исследовательском процессе [Banks et al., 2013], в характере и динамике властных отношений между исследователями и участниками [Henkel, Stirrat, 2001; Schurr, Segebart, 2012], а также в выборе инструментов организации коллективной работы и методов сбора данных [Kindon et al., 2007]. Среди таких инструментов ключевым является партисипаторный воркшоп, в рамках которого происходит перенастройка стратегий исследования и действия [Martínez, 2024]. Таким образом, action research — это не конкретный метод, но стратегия, которая координирует использование множества техник и в целом отвечает представленным выше принципам.

Этика и микрополитика action research

Среди этических вопросов, связанных с action research, центральным является соотношение ролей активиста/практика и исследователя. С одной стороны, в action research у исследователя появляются новые нетипичные задачи. Партиципаторная организация исследования предполагает, что общество обладает достаточным знанием и способностью самостоятельно ставить и решать задачи по достижению общего блага [Brydon-Miller et al., 2003], а на плечи исследователя ложится организация и фасилитация процессов групповой работы, анализ и теоретизирование [Wadsworth, 2005]. С другой стороны, исследователь участвует в действии, в том числе может реализовывать пространственные изменения, определять правила работы институтов, а также участвовать в протестах, судебных процессах, медиакампаниях и т. п. [Martínez, 2024].

Хотя подобный формат работы ценен с точки зрения возможности соединить теорию и практику и преодолеть эпистемологический разрыв между ними, одновременно он ведет к возникновению дилеммы относительно ролей исследователя вследствие необходимости «служить двум господам» [Davison et al., 2022] — академическому миру и сообществу, с которым идет работа. Практики action research считают, что необходимо поддерживать четкую границу между профессиональным исследователем (аутсайдером) и членами сообщества/активистами (инсайдерами). Во-первых, это позволяет уменьшить риск ролевого заражения (role contamination), когда личные обязательства исследователя перед группой могут поставить под угрозу независимость анализа [Davison et al., 2022]. Во-вторых, знание в action research рождается в ходе столкновения локального знания инсайдеров и профессионального знания исследователей. Если исследователь полностью сливается с группой, необходимое напряжение исчезает. Наконец, возникает риск доминирования в группе за счет авторитетной исследовательской позиции или принуждения к участию членов сообщества за счет уже существовавших до исследования отношений [Löfman et al., 2004]. В итоге исследователи и инсайдеры должны быть равны, но *различны*.

Необходимость поддержания границы отличает action research от иных типов исследования, в частности от милитантного (активистского) исследования, где ученые полностью сливаются с политической организацией, которую изучают [Martínez, 2024]. Активное участие со стороны исследователя в этом случае не просто возможно, но даже этически обязательно, ведь даже самое радикальное исследование не заменяет собой само действие [Tarlau, 2014]. Исследователь должен осознать свой социально-политический долг перед участниками, поскольку они принимают на себя серьезные риски, делясь своими историями [Allan, 2017], и отблагодарить их, внося активный вклад в борьбу². Подобные различия влияют и на форматы работы: в то время как

² Однако подобная благодарность также проблематична, поскольку она не устраняет проблемы объективации исследуемой группы и даже способствует продвижению академических карьер — в академии сегодня связи с социальными движениями могут создавать престиж для исследователя [Gillan, Pickerill, 2012].

милитантные исследователи анализируют структуры власти, доступа к которым у самих активистов нет [Tarlau, 2014], или участвуют в лоббировании, протестах и т. п., в рамках action research основной акцент делается на организацию переговоров, где исследователь выступает как модератор или же проводит исследование, позволяющее осуществлять мониторинг ситуации до и после изменения (действия).

Таким образом, соотношение между ролями исследователя и активиста выходит за рамки организационного вопроса и становится важным элементом исследовательского ассамбляжа, компонентом, определяющим саму архитектуру исследования, способы сбора, анализа данных, а также микрополитику исследования — переустройство общества и борьбу с системным угнетением (милитантное исследование) или умеренный реформизм, перестройку работы институтов и пространств для достижения блага участников (action research).

Напряжение между ролями требует постоянного этического контроля [Williamson, Prosser, 2002]. Следуя логике подотчетности, далее я представлю, какие «инструменты» — материально-дискурсивные аппараты [Kenney, 2015] — я задействовала для поддержания границы между ролями и какое в конечном счете они оказали влияние на архитектуру исследования «Общественного сада».

«Машина мониторинга» action research

Разворачивая свою деятельность, команда «Общественного сада» во многом опиралась на траектории, характерные для других городских объединений, связанных с защитой не всегда очевидно ценных мест и объектов [Чернышева, Хохлова, 2021]. Ключевой задачей стало выявление ценности заросшей и маргинализованной территории и превращение ее из пустыря в узнаваемую точку городского пространства. Оформились два взаимодополняющих направления: исследование исторических слоев территории и анализ ее социальной жизни в настоящем времени.

Историческое исследование носило во многом неформальный характер и привлекло как специалистов Всероссийского общества охраны памятников истории и культуры (ВООПИиК), так и горожан, интересующихся локальной историей. По мере появления новых фактов корректировалась логика кампании: так, обнаружение сведений о существовавшей на этой территории в XIX веке лютеранской церкви стало основанием для выстраивания сотрудничества с представителями лютеранской общины Санкт-Петербурга и проведения ряда совместных тематических мероприятий.

Параллельно развивалось второе, более структурированное направление, в котором я принимала участие. Оно опиралось на профессиональный опыт участников «Общественного сада», неоднократно работавших в урбанистических проектах, где предпроектное изучение социальной динамики пространства является стандартной практикой. Для реализации этого направления

в проект привлекли студентов СПбГУ: совместно мы разработали исследовательский план и провели серию наблюдений и интервью с местными жителями весной и осенью 2021 года. Это исследование зафиксировало представления жителей о территории, а также разнообразие практик ее использования, что стало отправной точкой для работы других участников команды — архитекторов, которые, также вовлекая студентов, начали разрабатывать различные сценарии преобразования пространства.

Следующим шагом стало наблюдение за тем, как территория меняется после серии интервенций и выстраивания связей с различными стейкхолдерами, заинтересованными сторонами и местными жителями. Уже через год после старта инициативы можно было говорить, что «Общественный сад» действительно появился на символической карте города: о проекте писали СМИ, его участники получали приглашения на конференции городских озеленителей и экопрактиков, активистские фестивали, выступали в городских библиотеках. Все эти изменения мы также зафиксировали в ходе второго этапа картирования территории.

Такой тип action research можно назвать «машиной мониторинга», или «машиной служебного исследования», которое выполняло во многом вспомогательную функцию: работа с историческими источниками обеспечивала материал для построения нарратива об «Общественном саде», а анализ социальной жизни позволял фиксировать эффекты вмешательства. Центральный элемент такой «машины» — четкое разделение ролей исследователя и активиста, которого я добились специфической пространственной, временной и материальной организацией исследовательского процесса. Это сформировало у членов команды отношение ко мне как к исследовательнице. Вместе с небольшой группой социологов мы работали над тем, чтобы спланировать и провести систематическое двухфазное исследование территории, результаты которого были ориентированы на культурное программирование и архитектурную трансформацию пространства. Мы задействовали исследовательские технические средства для анализа (диктофоны, карты, транскрипты, отчет и т. п.) и исследовательские институты и пространства (студенческую практику, семинары, здание университета). Я вела рефлексивные дневники и заметки о работе в группе, а также играла роль модератора встреч, стремясь преобразовать идеи участников в дизайн исследования и последующих интервенций.

«Машина концептуализации» в action research

На уровне повседневных практик участники проекта постепенно присваивали территорию как *свое* пространство, не принимая во внимание ее формальный статус — частной собственности. Это символическое присвоение находило отражение и в языке внутренней коммуникации: как писала в чате одна из участниц, *«с удовольствием посажу свой куст в вашем (могу уже сказать нашем? или еще рано?) саду!»*. Одновременно с этим проект выстраивался

как альтернатива логике коммодификации городского пространства, делая ставку на открытость территории и понимание ее как общего блага.

Именно это противоречие между юридическим статусом земли и практиками коллективного пользования побудило меня рассматривать инициативу через понятие городской совместности (*urban commons*) — тема была мне знакома задолго до описываемых событий. В обобщенном виде городские совместности можно определить как форму организации городского сообщества, основанную на коллективной, некоммерческой заботе о ресурсах в общественных интересах [Kip et al., 2015]. Инициатива «Общественный сад» вполне соответствовала этому определению. Однако понятие совместностей — это также и утопическое воображение, нормативная модель организации совместной городской жизни, предлагающая альтернативу существующим социальным порядкам [Hardt, Negri, 2009]. Через это понятие я представляла себе возможные принципы организации проекта уже на раннем его этапе. Так, в телеграм-чате «Общественного сада», в сообщении, написанном в формате знакомства (расскажите о себе), я продолжила фразу: «Пустырь в будущем — это...», — следующим образом: «...это городская совместность, или *urban commons*. Это значит, что речь не просто про пространство, а про пространство и людей, которые о нем заботятся — горизонтально и кооперативно». В ходе обсуждений, связанных с работой инициативной группы, модерацией и планированием действий я последовательно предлагала обращаться к принципам, сформулированным Элиной Остром [Остром, 2010], как ориентирам для устойчивого управления общими ресурсами. Подобная интервенция в итоге оказала значительное влияние на группу: вскоре стало видно, что инициатива «Общественный сад» все чаще осмысливается и представляется участниками именно через категорию городских совместностей и связанные с ней принципы.

Городские совместности стали в этом случае примером фокальной теории (*focal theory*), которая служит основой для планирования и реализации изменений [Davison et al., 2022]. Благодаря ей фокус исследования сместился к тому, чтобы отслеживать возможности и ограничения функционирования структуры городского самоуправления, основанного на принципах городских совместностей. При этом цели группы по-прежнему касались защиты территории от застройки и развития ее как городского публичного пространства.

Привнесение исследователем концептуального аппарата характерно для вовлеченных исследований: благодаря ему группы пересматривают свои стратегии и позиции для переговоров с государственными органами [Tarlau, 2014; Pittaway et al., 2010]. Однако именно практики *action research* обращают внимание на то, что привнесение концептуальных схем может привести к доминированию в группе, а избежать этого помогает разделение ролей.

На практике разделить роли исследователя, оперирующего концепцией совместностей, и активиста, который переносит утопическое воображение на практику, непросто: концептуальный язык пронизывает работу группы и становится незаметной инфраструктурой. Для поддержания границы ролей мне потребовались инструменты: академическая публикация [Chernysheva,

Sezneva, 2020] и перевод книги о городских совместностях, ориентированной на активистскую аудиторию [Делленбо-Лоссе и др., 2021], в работе над которой я участвовала. Эта книга была призвана создать пространство для самостоятельной работы с концепцией, для критики и развития идей без участия исследователя. После публикации на территории сада прошла презентация книги, в ходе которой также происходило обсуждение ограничений и применимости языка совместностей. Текст книги и обсуждения стали инструментами, позволяющими сделать концепцию видимой, и одновременно развести роли, сформировав «машину концептуализации» в исследовании действием.

«Машина совместного производства знания» в action research

Осенью 2021 года инициатива «Общественный сад» была включена в программу воркшопа «Лаборатория Actors of Urban Dialogue», посвященного подведению итогов десятилетия развития городской партисипации (соучастия) в России. В работе воркшопа приняли участие более 20 экспертов из разных российских городов, чья профессиональная деятельность была связана с партисипаторными практиками в сфере трансформации городских пространств. Часть организаторов воркшопа на протяжении нескольких лет до этого была непосредственно вовлечена в деятельность инициативной группы «Общественного сада».

В рамках воркшопа участники сопоставляли «Общественный сад» с привычными им проектами вовлечения горожан. Звучавшая в первый день обсуждения критика «Общественного сада» носила жесткий характер. Участникам воркшопа было *«непонятно, кто такая инициативная группа и в каком плане право управления они имеют [...], на каком основании [работают]?»*. Тем самым под сомнение был поставлен сам статус группы горожан как легитимного инициатора изменений. Критике подверглись и форматы работы инициативной группы, воспринимаемые как конфликтные интервенции: *«Выбрали самые конфликтные места заведомо под окнами людей [для проведения мероприятия]. Вы потенциально знали, что какой-то конфликт будет»*. Правовая перспектива проекта вызвала сомнения: *«То есть то, что вы делаете, это на самом деле незаконно»*. Особое непонимание вызвала концепция минимального вмешательства, сохранения биоразнообразия и утверждения ценности пустыря как такового. Подобная критическая реакция во многом обусловлена сформировавшимся за предыдущее десятилетие каноном партисипаторных практик: изначальное методологическое разнообразие соучастия постепенно было вытеснено унификацией подходов³, а сама практика «заинсталлировал[а]

³ Унификация связана с появлением золотого стандарта партисипации, применяемого командами, участвующими в конкурсах федеральной программы «Формирование комфортной городской среды». Его основу составляет методология пионеров партисипаторной работы в России — «Проектной группы 8», закрепленная в «Стандарте работы с жителями при благоустройстве городов» (разработан АСИ и Минстроем в 2020 году) и в форме ГОСТа (2023).

сь в систему вертикали, в систему бюрократии»⁴ и превратилась в «патернализм под прикрытием», создав условия для манипуляции горожанами.

Критика также стала сигналом к переосмыслению моих ролей в рамках проекта. Стало понятно, что различение исследовательницы и активистки требовало постоянной работы, которую я не всегда осуществляла. Например, поддавшись ситуации, я исполняла роль активистки и не контролировала разнообразие участников и включение некоторых групп и отдельных стейкхолдеров в проект для поиска коллективных решений, считая, что важно сфокусироваться на сторонниках, а не работать с интересами тех, кто настроен к проекту конфликтно. Команда все больше воспринимала меня как инсайдера. Систематичность написания заметок и дневника также хромала: я отдавала приоритет действию, то есть организации кампаний и мероприятий, а исследование постепенно уходило на второй план. Механизмы поддержания различения ролей работали все хуже.

Однако все это не привело к провалу action research, напротив, стало движком еще одной машины — «машины совместного производства знания». Обсуждая «Общественный сад», не выстроенный по правилам партисипации, на второй день воркшопа участники внезапно переосмыслили его как вдохновляющий эксперимент, позволяющий заново поставить вопрос о том, что такое соучастие и на каких основаниях оно может строиться: обязательно ли инициаторами и организаторами партисипаторных процессов должны выступать городские власти и в чем недостатки проектного, ограниченного во времени подхода к партисипации. «Общественный сад», по словам участников воркшопа, стал примером для выработки принципов «горизонтальной партисипации», «партисипаторной анархии», отказа от «партисипации как самоцели».

Воркшоп выступил частью «машины совместного производства знания», коммуникативной ареной, где происходит взаимное обучение участников, и потребовал возвращения к роли исследовательницы, став инструментом для четкого проведения границы и актуализации вопросов подотчетности: какую микрополитику реализует исследование «Общественного сада»? Какую роль может играть полученное знание в более широких процессах переосмысления партисипаторной практики? Парадоксальным образом предшествующий этап размывания ролей исследовательницы и активистки, отсутствие должной работы по поддержанию границы между ними стал значимым элементом в совместном теоретизировании внутри профессионального сообщества и инициативной группы «Общественного сада». Таким образом, нарушение этики на других этапах action research, выступившее предметом коллективной рефлексии, стало частью «машины», которая концептуально пересобирает работу инициативной группы, превращая участников в активных со-исследователей существующих методологий партисипации — практики, лежащей в основе самого проекта «Общественный сад».

⁴ «Соучастующее проектирование» // Кто твой город. 2022. URL: <https://ktogorod.ru/sp> (дата обращения: 11.02.2026).

Заключение

Метод — это система, которая «обещает в той или иной степени быстро и безопасно довести нас до пункта назначения, то есть знаний о процессах, действующих в едином мире» [Ло, 2015: 28]. Стратегия action research является как раз таким стабильным и отрефлексированным способом получать знания, в том числе в исследованиях активизма — сложных полях, где этические вопросы занимают важное место [Gillan, Pickerill, 2012]. В таких полях исследование действием открывает возможности, недоступные другим стратегиям: это связано с принципиальным отказом от нейтральности и наблюдательной позиции исследователя.

Action research ярко иллюстрирует общий для социальных наук принцип: исследователь является создателем сборки, производящей знание, то есть с помощью своих методов создает реальность, а не только описывает ее [Ло, 2015]. Из этого вытекает необходимость как осмысления позиционности исследователя, то есть социального и эпистемического положения, из которого производится знание (гендер, класс, институциональная позиция, культурный опыт и т. п.) [Corlett, Mavin, 2018], так и признания ответственности за то, какое именно знание производится [Ло, 2015].

Эта статья — попытка принятия такой ответственности и подотчетности в исследовательской практике [Kenney, 2015]. В ней я проанализировала, как возникает и трансформируется исследование и какая не всегда видимая и рефлексивная работа необходима, чтобы поддерживать его в той или иной форме, в моем случае — в форме action research. Я представила свою попытку исследования низового активизма как ассамбляж, специально сконструированную арену для диалога и решения конкретных проблем, а также получения академически ценного знания. Это знание — продукт совместной работы нескольких механизмов, в которые встроены и исследователи, и активисты. Неотъемлемая часть такого ассамбляжа — определенный тип этики, которая требует избегать «заражения ролей» [Davison et al., 2022], то есть поддерживать границу между ролями исследовательницы и активистки.

Я рассмотрела несколько «машин» action research, в сборке которых участвовала в процессе исследования инициативной группы «Общественный сад»: «машину мониторинга» (служебного исследования), «машину концептуализации» и «машину совместного производства знания». Я показала, какую роль в работе каждой из них играет соотношение ролей исследовательницы и активистки и как именно преодолевается лиминальность поля — положение исследователя между вовлеченностью и дистанцированием [Пинчук, 2025]. Я показала, как пространственно-временная и материальная организация исследования, вовлеченные институции и технические средства, академическая практика превратились в инструменты, позволяющие стабилизировать, поддерживать границу и всегда действовать из конкретной роли.

Ассамбляжный подход и рассмотрение «машин» в рамках стратегии action research позволили увидеть ее разнообразие не только как набора инструментов [Martínez, 2024], но и как этической практики. Через анализ

соотношения ролей исследовательницы и активистки в этом тексте я показала, как выстраивается микрополитика исследовательских методов и стратегий [Fox, Alldred, 2015]. Этот текст, таким образом, является попыткой ответа на вопрос: как, учитывая политику метода, найти способ не «изъять себя из мира, а, скорее, [...] включиться» в него [Ло, 2015: 25].

Литература / References

Бедерсон В.Д. и др.. Города расходящихся улиц: траектории развития городских конфликтов в России / Под. ред. Тыкановой Е.В. М.: ФНИСЦ РАН, 2021. EDN: YVNPJO DOI: <https://doi.org/10.19181/monogr.978-5-89697-351-5.2021>

Bederson V.D. et al (2021) *Goroda raskhodyashchihsya ulic: traektorii razvitiya gorodskih konfliktov v Rossii* [Cities of Diverging Streets: Trajectories of Urban Conflicts Development in Russia]. Ed. by Tykhanova E.V. Moscow: FNISC RAN. DOI: <https://doi.org/10.19181/monogr.978-5-89697-351-5.2021> (In Russ.)

Делленбо-Лоссе М., Циммерманн Н., де Врис Н. Городские совместности: книга рецептов: стратегии и идеи для создания и поддержания городских совместностей. СПб.: Проектная группа 8, 2021.

Dellenbaugh-Losse M., Zimmermann N., de Vries N. (2021) *Gorodskie sovместnosti: kniga receptov: strategii i idei dlya sozdaniya i podderzhaniya gorodskih sovместnostej* [Urban Commons Cookbook: Strategies and Ideas for Creating and Maintaining Urban Commons]. SPb.: Proectnay Gruppy 8. (In Russ.)

Ло Дж. После метода: Беспорядок и социальная наука. М.: Институт Гайдара, 2015.

Law J. (2015) *Posle metoda: Beporyadok i social'naya nauka* [After Method: Mess in Social Science Research]. Moscow: Instite Gaidara. (In Russ.)

Остром Э. Управляя общим: эволюция институтов коллективной деятельности. М.: Мысль, 2010.

Ostrom E. (2010) *Upravlyaya obshchim: evolyuciya institutov kollektivnoj deyatel'nosti* [Governing the Commons: The Evolution of Institutions for Collective Action]. Moscow: Mysl. (In Russ.)

Пинчук О.В. На границе ролей: ролевая двойственность и лиминальное знание в полевой этнографии // Интеракция. Интервью. Интерпретация. 2025. Т. 17. № 4. С. 33–55. EDN: NUPEGW DOI: <https://doi.org/10.19181/inter.2025.17.4.2>

Pinchuk O.V. (2025) *Na granitse rolei: rolevaya dvoistvennost i liminalnoe znanie v polevoi etnografii* [At the Boundary of Roles: Role Duality and Liminal Knowledge in Field Ethnography]. *Interaktsiya. Intervyu. Interpretatsiya* [Interaction. Interview. Interpretation]. Vol. 17. No. 4. P. 33–55. DOI: <https://doi.org/10.19181/inter.2025.17.4.2> (In Russ.)

Чернышева Л.А. Между активизмом и исследованием: стратегия action research в проекте создания Общественного сада // Городские асимметрии: политики, практики и репрезентации / Отв. ред. Е.В. Тыканова. М.; СПб.: ФНИСЦ РАН, 2024. DOI: <https://doi.org/10.19181/monogr.978-5-89697-434-5.2024>

Chernysheva L. A. (2024) *Mezhdu aktivizmom i issledovaniem: strategiya action research v proekte sozdaniya Obshchestvennogo sada* [Between Activism and Research: The Action Research Strategy in the Public Garden Project]. In: Tykanova E.V. (ed.) *Gorodskie asimmetrii: politiki, praktiki i reprezentatsii* [Urban Asymmetries: Politics, Practices, and Representations]. Moscow; SPb.: FNISC RAN. DOI: <https://doi.org/10.19181/monogr.978-5-89697-434-5.2024> (In Russ.)

Чернышева Л.А., Хохлова А.М. Создавая ценность и аутентичность: городские конфликты вокруг исторических зданий // Журнал исследований социальной политики. 2021. Т. 19. № 2. С. 223–238.

- Chernysheva L. A., Khokhlova A. M. (2021) Creating Value and Authenticity: Urban Conflicts Around Historic Buildings. *Zhurnal issledovaniy sotsialnoi politiki* [The Journal of Social Policy Studies]. Vol. 19. No. 2. P. 223–238. (In Russ.)
- Adelman C. (1993) Kurt Lewin and the Origins of Action Research. *Educational Action Research*. Vol. 1. No. 1. P. 7–24.
- Allan J. (2017) Activist Ethics: The Need for a Nuanced Approach to Resistance Studies Field Research. *Journal of Resistance Studies*. Vol. 3. No. 2. P. 89–121.
- Banks S., Armstrong A., Carter K., Graham H., Hayward P., Henry A., Holland T., Holmes C., Lee A., McNulty A., Moore N., Nayling N., Stokoe A., Strachan A. (2013) Everyday Ethics in Community-Based Participatory Research. *Contemporary Social Science*. Vol. 8. No. 3. P. 263–277.
- Bourot-Trites M., Belanger J. (2018) Ethical Dilemmas Facing Action Researchers. *Journal of Educational Thought / Revue de La Pensée Educative*. Vol. 39. No. 2. P. 197–216. DOI: <https://doi.org/10.55016/ojs/jet.v39i2.52622>
- Breen L. J. (2007) The Researcher “In the Middle”: Negotiating the Insider/Outsider Dichotomy. *The Australian Community Psychologist*. Vol. 19. No. 1. P. 163–174.
- Brydon-Miller M., Greenwood D., Maguire P. (2003) Why Action Research? *Action Research*. Vol. 1. № 1. P. 9–28.
- Chernysheva L., Sezneva O. (2020) Commoning Beyond “Commons”: The Case of the Russian “obshcheye”. *The Sociological Review*. Vol. 68. No. 2. P. 322–340.
- Corlett S., Mavin S. (2018) Reflexivity and Researcher Positionality. *The SAGE Handbook of Qualitative Business and Management Research Methods*. Thousand Oaks: SAGE Publications. P. 377–399.
- Davison R. M., Martinsons M. G., Wong L. H. M. (2022) The Ethics of Action Research Participation. *Information Systems Journal*. Vol. 32. No. 3. P. 573–594. DOI: <https://doi.org/10.1111/isj.12363>
- Fox N. J., Alldred P. (2015) New Materialist Social Inquiry: Designs, Methods and the Research-Assemblage. *International Journal of Social Research Methodology*. Vol. 18. No. 4. P. 399–414. DOI: <https://doi.org/10.1080/13645579.2014.921458>
- Gillan K., Pickerill J. (2012) The Difficult and Hopeful Ethics of Research on, and with, Social Movements. *Social Movement Studies*. Vol. 11. No. 2. P. 133–143. DOI: <https://doi.org/10.1080/14742837.2012.664890>
- Hardt M., Negri A. (2009) *Commonwealth*. Harvard: Harvard University Press.
- Henkel H., Stirrat R. (2001) *Participation as Spiritual Duty: Empowerment as Secular Subjection*. Ed. by Cooke B., Kothari U. London: The New Tyranny. P. 168–184.
- Imray Papineau É. (2024) Dilemmas of the Activist-Researcher: Balancing Militant Ethnography, Security Culture, and Reflexive Ethics in Australia. *Qualitative Research*. Vol. 24. No. 3. P. 570–590. DOI: <https://doi.org/10.1177/14687941231176933>
- Kenney M. (2015) Counting, Accounting, and Accountability: Helen Verran’s Relational Empiricism. *Social Studies of Science*. Vol. 45. No. 5. P. 749–771. DOI: <https://doi.org/10.1177/0306312715607413>
- Kindon S., Pain R., Kesby M. (2007) Participatory Action Research Origins, Approaches and Methods. *Participatory Action Research Approaches and Methods. Connecting People, Participation and Place*. Abingdon: Routledge. P. 7–18.
- Kip M., Bieniok M., Dellenbaugh M., Muller A. K., Schwegmann M. (2015) Seizing the (Every) Day: Welcome to the Urban Commons! *Urban Commons: Moving Beyond State and Market*. Berlin: Birkhäuser. P. 9–26.
- Löfman P., Pelkonen M., Pietilä A. (2004) Ethical Issues in Participatory Action Research. *Scandinavian Journal of Caring Sciences*. Vol. 18. No. 3. P. 333–340. DOI: <https://doi.org/10.1111/j.1471-6712.2004.00277.x>
- Martínez M. A. (2024) Activist Research as a Methodological Toolbox to Advance Public Sociology. *Sociology*. Vol. 58. No. 4. P. 832–850. DOI: <https://doi.org/10.1177/00380385231219207>
- Masny D. (2013) Rhizoanalytic Pathways in Qualitative Research. *Qualitative Inquiry*. Vol. 19. No. 5. P. 339–348.

McCurdy P., Uldam J. (2014) Connecting Participant Observation Positions: Toward a Reflexive Framework for Studying Social Movements. *Field Methods*. Vol. 26. No. 1. P. 40–55. DOI: <https://doi.org/10.1177/1525822X13500448>

Pittaway E., Bartolomei L., Hugan R. (2010) “Stop Stealing Our Stories”: The Ethics of Research with Vulnerable Groups. *Journal of Human Rights Practice*. Vol. 2. No. 2. P. 229–251. DOI: <https://doi.org/10.1093/jhuman/huq004>

Reason P., Bradbury H. (eds.). (2001) *Handbook of Action Research: Participative Inquiry and Practice*. London: Sage.

Rodgers D. (2007) Joining the Gang and Becoming a Broder: The Violence of Ethnography in Contemporary Nicaragua. *Bulletin of Latin American Research*. Vol. 26. No. 4. P. 444–461. DOI: <https://doi.org/10.1111/j.1470-9856.2007.00234.x>

Schurr C., Segebart D. (2012) Engaging with Feminist Postcolonial Concerns through Participatory Action Research and Intersectionality. *Geographica Helvetica*. Vol. 67. No. 3. P. 147–154. DOI: <https://doi.org/10.5194/gh-67-147-2012>

Tarlau R. (2014) “We Do Not Need Outsiders to Study Us”. Reflections on Activism and Social Movement Research. *Postcolonial Directions in Education*. Vol. 3. No. 1. P. 63–87.

Wadsworth Y. (2005) “Gouldner’s Child?” Some Reflections on Sociology and Participatory Action Research. *Journal of Sociology*. Vol. 41. No. 3. P. 267–284.

Williamson G. R., Prosser S. (2002) Action Research: Politics, Ethics and Participation. *Journal of Advanced Nursing*. Vol. 40. No. 5. P. 587–593. DOI: <https://doi.org/10.1046/j.1365-2648.2002.02416.x>

Сведения об авторе:

Чернышева Любовь Алексеевна — кандидат социологических наук, старший научный сотрудник, Социологический институт РАН — филиал ФНИСЦ РАН, Санкт-Петербург, Россия. **E-mail:** l.a.chernysheva@gmail.com. **РИНЦ Author ID:** 761775; **ORCID ID:** 0000-0002-9107-8211; **ResearcherID:** E-5980-2018.

Статья поступила в редакцию: 13.02.2026

Принята к публикации: 18.03.2026

БАК: 5.1.1

The Ethics of Engagement: Action Research and the Micropolitics of Knowledge Production in a Grassroots Activist Project

DOI: 10.19181/inter.2026.18.1.6

Liubov A. Chernysheva Sociological Institute of RAS — Branch of the FCTAS RAS, St. Petersburg, Russia
E-mail: l.a.chernysheva@gmail.com

The article examines the action research strategy in the study of the grassroots project “Common Garden”, which emerged in 2020 in St. Petersburg (Russia). Unlike classical research methods oriented toward neutral observation and non-interference, action research assumes

that knowledge is generated in practice and requires the researcher to actively participate in processes of change in order to open up possibilities for understanding social structures. The article focuses on the ethical dimension of action research, in particular the central tension between the researcher and activist positions. Viewing the research process as an assemblage, the author analyzes three “machines” of action research to explore how each of them configures the relationship between the roles of activist and researcher, and what means are employed to sustain and maintain the boundary between these roles. The article demonstrates that not only maintaining but also blurring the boundary between roles can lead to productive collective theorizing; however, maintaining the boundary is necessary to keep the method within the limits of the action research strategy. The article contributes to discussions on knowledge production and the ethical dimensions of action research by illustrating the micropolitics through which this strategy is enacted.

Keywords: action research; urban activism; research as assemblage; research ethics; co-production of knowledge

Author Bio

Liubov A. Chernysheva — Candidate of Sociology, Senior Research Fellow, Sociological Institute of RAS — Branch of the FCTAS RAS, St. Petersburg, Russia. **E-mail:** l.a.chernysheva@gmail.com. **RSCI Author ID:** [761775](#); **ORCID ID:** [0000-0002-9107-8211](#); **ResearcherID:** [E-5980-2018](#).

Received: 13.02.2026
Accepted: 18.03.2026